

М.Б. Боков
НЕ ВСЕ, ЧТО МОЖНО, НУЖНО
(ЭТЮД О ВЫБОРАХ)

На декабрьских выборах в Государственную думу дал о себе знать очень важный политический феномен, отражающий глубинную суть общественного российского сознания. Не только массового, но и элитарного, если можно таковым назвать умонастроения элит современной России.

Феномен этот существует не как нечто данное в определенном месте и в определенное время, но как имманентно присущее всему нашему политическому ландшафту. Именно поэтому он не замечен, не бросается в глаза, но существует как некая скрытая сила, которая, однако, может действовать и оказывать влияние.

Глубинная сущность исторических процессов такова, что как бы правители и власти ни манипулировали обществом, какие бы средства и методы ни применяли, чтобы добиться своих целей, все равно в обществе есть нечто абсолютно неподвластное воле правителей. Это неподвластное имеет свои корни, которые уходят в неосязаемую, так сказать, метафизическую субстанцию, которую русские философы называли "душой" народа.

Я уже писал о проявлении монархического сознания в истории современной России. Важнейшим элементом этого сознания является желание народа воспринимать президента не как выборного временного руководителя государства, полномочия которого ограничены Конституцией, а как главу некой "народной общности" (в терминах русской философии начала XX века), как символ единства нации или, как сейчас говорят, "общенационального лидера".

Монархическое сознание в России 2007 г. проявляет себя не в том, что требует царя, а в том, что оно воспринимает механизм существующей президентской власти как механизм власти монархической. Концентрация власти в руках президента не вызывает отторжения, потому что в подсознании людей это не власть главного чиновника страны. Народ хочет видеть во власти президента не ту природу, которая предписана Конституцией. В общественном сознании возродилось исчезнувшее, как казалось, навсегда историческое представление народа о "справедливом правителе", власть которого имеет внеполитический характер.

С точки зрения массового сознания, "справедливый" президент, как и весь народ, должен находиться в духовном противостоянии с политической и экономической элитой, которая, по природе склонная к бюрократизму и коррупции, нуждается в жестком контроле. В этом противостоянии должно проявиться торжество принципа справедливости над принципом властолюбия и власти денег. Государственная машина и вся политическая система воспринимаются как некий контрагент главы государства. Народ хочет осознавать свою связь с президентом как личную связь, он не хочет видеть никаких посредников в виде других властей, организаций или партий.

Имманентное монархическое сознание проявляется в том, что истоки верховной власти бессознательно для самого народа и элит усматриваются не в кон-

ституции, не в политической системе как таковой, не в демократических ценностях, а в нечто более исторически глубоком, что с трудом поддается объяснению. Общественное сознание этих глубин не рефлектирует, но ведет себя так, как будто они реально существуют и воздействуют на его свойства. Здесь можно привести аналогию с открытой физиками невидимой материей Вселенной, которая хотя и не видна, но оказывает влияние на движение звезд, галактик и скопления галактик.

Так и здесь, монархическое сознание, не идентифицирующее себя как такое, проявляет себя в признаках, которые не оставляют никакого сомнения в их истинном происхождении. Российское общественное сознание в своей доминирующей основе полностью готово принять идею изменения Конституции и продления полномочий действующего президента. Это, пожалуй, то единственное, что могло духовно сблизить недолюбливающих друг друга народ и элиту. Желание продления полномочий президента проявилось даже в южных регионах страны, в которых было длительное военное противостояние с центральной федеральной властью.

И если в Венесуэле, при огромной поддержке президента Чавеса, референдум о продлении его полномочий все же не прошел, то в России он бы, несомненно, прошел. И прошел бы именно потому, что в России ощущение народом "главы народной общности" несравненно ярче, сильнее и духовнее, чем ощущение Конституции как основного закона государства.

И это вовсе не "рабская" покорность, о которой так любят писать не принимающие во внимание метафизический слой истории. Это стремление многослойного общественного сознания к реализации своего представления о справедливом устройстве общества как отражении справедливого устройства мира в целом. Этот феномен сформировался в русской истории в рамках православной традиции. То, что формировалось столетиями, никуда не исчезает и исчезнуть не может, даже если носитель этого сознания думает о себе совсем иначе.

Таким образом, если мы принимает, пусть даже в качестве гипотезы, проявление монархического сознания в современной политической жизни, то мы должны принять и то, что оно будет вести себя логично — в полном соответствии со своей сутью.

А суть монархического сознания не только в том, что оно желает или легко принимает идею о главе государства как внеполитическом символе единства народа, но и в том, что монархическое сознание способно к историческому разочарованию как форме защиты самого себя. Это разочарование, которое может приобрести столь же масштабный характер, как и жажда "справедливого правителя", неоднократно проявлялось в российской истории и в конечном итоге привело к падению монархии. Дуализм русского сознания обостряется в период кризисов, революций, но дает о себе знать со всей очевидностью и в периоды относительной стабильности.

Монархическое сознание не любит, когда правители действуют в противоречии с его представлениями о природе власти. Одним из таких представлений-постулатов является внеполитическая природа верховной власти. Любой руководитель страны, где господствуют скрытые формы монархического сознания, нарушив этот постулат, серьезно рискует.

Как ни странно, но это имеет прямое отношение к последним выборам в Государственную думу в 2007 г. Когда В. Путин 2 октября объявил о своем решении возглавить предвыборный список партии "Единая Россия", он, вероятно, не осознавал, что вступил в противоречие со скрытым, но реальным монархическим

сознанием российского электората. Желая упрочить свое влияние в будущем, он ненароком создал условия для его ослабления, или по крайней мере подошел к самой черте, за которой это ослабление стало бы неизбежным.

Все многолетние социологические опросы показывают, что любые политические структуры, в том числе (а может быть, и прежде всего) партии воспринимаются населением как второразрядные малозначащие институты, стабильно имеющие низкие рейтинги. По данным ВЦИОМ за 2007 г., от 50 до 54% россиян не одобряют деятельность политических партий, а Государственная дума, за места в которой боролись партии, имеет самый низкий рейтинг из всех органов власти (одобряют ее деятельность 24–29%, не одобряют 50–58%).

Своим решением возглавить список одной из партий президент задел нечто важное в глубинах общественного сознания. В глазах электората он зачем-то смешал высшую исполнительную власть с неавторитетным органом политической структуры — с партией и тем самым спутал уважаемое с неуважаемым, хорошее с плохим, а для монархического сознания — еще и сакральное с земным. Ведь достаточно было бы просто оказать моральную поддержку. Тем более, что эта партия и так легко победила бы на выборах, поскольку всегда ассоциировалась в массовом электоральном сознании как партия президента и на протяжении многих лет имела рейтинг, недостижимый для других партий.

Высокий рейтинг президента держится не на достижениях экономического развития, которые слабо ощутимы для большинства населения страны, а на соответствии некоторых черт его личности и манер поведения идеальному образу "справедливого правителя". Однако это единство народа и его символа в современной российской действительности представлено шатко и противоречиво. Недаром сам В. Путин сказал перед выборами, что еще ничего не решено. Расхождение идеального образа, живущего в общественном сознании, и конкретного человека может произойти в любой момент. Одно неосторожное слово, один шаг, который может быть расценен как пренебрежение к народу, как отсутствие заботы о нем, и президент превратится из главы "народной общности" в такого же чиновника, как и все остальные. Вся народная нелюбовь к бюрократии в полной мере распространится и на него. Это уже было в новейшей российской истории с Борисом Ельциным.

Монархическое сознание российского электората дало понять, что оно заметило некое несоответствие в поведении президента, когда он дал согласие возглавить список "Единой России". Это сознание почувствовало, что президент, пытаясь опереться на партию, в некотором смысле поставил под сомнение опору на народ. Он поставил под сомнение сокровенную связь народа с главой государства, чрезмерно сблизившись с кастой партийцев-политиканов.

В решении поддержать партию общественное сознание почувствовало некую суетность, недостойную главы "народной общности".

Хотя монархическое сознание терпеливо и склонно к идеализации, но оно, тем не менее, дало ясно понять, что было нечто такое в поведении главы государства, что показалось странным. Это еще, конечно, не недовольство и тем более не протест, но некоторое указание на несоответствие образа и реальности, случившееся пока в отдельный момент политической жизни.

В октябре 2007 г. ВЦИОМ в ходе общероссийского опроса общественного мнения задал респондентам вопрос — как они относятся к решению В. Путина возглавить предвыборный список партии "Единой России". Результаты следующие: только 22% россиян "безусловно одобрили" этот шаг президента. И это при стабильно высоком рейтинге одобрения его деятельности в целом (80–83%).

Даже если мы прибавим к 22% еще 23% тех, кто с неуверенностью одобряет решение президента ("скорее одобряю"), то все равно получится только 55%, что почти на 30% ниже его личного рейтинга. Скорее не одобряют 13%, полностью не одобряют — 7%, в целом неодобряющих — 20%, затруднились ответить — 22% (см. рис. 1).

Электоральное сознание на протяжении всей предвыборной кампании 2007 г., давало понять, что оно никогда не согласится на повышение роли партий в политической системе. Оно давало понять, что связываться с партиями для главы государства только ему в ущерб. Поскольку вся российская политическая элита обладаем все тем же монархическим сознанием, то у нее присутствует понимание того, что лидеру государства в формальном плане лучше держатся от партий подальше. Именно поэтому было принято решение о том, чтобы президент только возглавил партийный список при сохранении его беспартийного статуса.

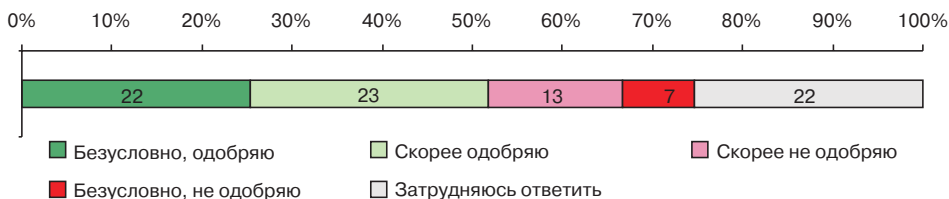
Власть знает, что народ индифферентен к партиям и что партии сами по себе не могут воодушевить электорат на участие в выборах. Что было бы с выборами в Государственную думу, если бы исполнительная власть держалась по отношению к ним нейтрально, что вполне логично, учитывая декларируемый принцип разделения властей? Однако исполнительная власть не решилась оставить Думу один на один с народом. И Дума боится остаться один на один с народом, потому что без примиряющего начала дружбы все равно не будет. Использование авторитета В. Путина в борьбе за контроль будущей Думы есть нечто иное, как прием политической борьбы — по-своему существу сугубо монархический.

Решение президента возглавить список "Единой России" было не только стремлением поддержать и так лидирующую партию и заручиться тем самым поддержкой Думы пятого созыва, но и желанием посмотреть, как отнесется население к возможному партийному будущему В. Путина. Результаты выборов никого не ввели в заблуждение, 64% "Единой России" не изменили структуру политических симпатий и антипатий, и государственная элита убедилась в том, что никакого будущего в связи с деятельностью партий у В. Путина нет и быть не может. Недаром о необходимости сохранения беспартийного статуса президента уже после выборов неоднократно говорили крупнейшие политики страны, что еще раз доказывает: что пробный шар был вброшен и показал суть вещей, о которой догадывались, но были не уверены до конца.

"Общенациональный лидер" и лидер партии в современной России несовместимы. И несовместимы именно потому, что сознание народа уходит своими кор-

Рисунок 1.

Каково Ваше отношение к решению В.путина возглавить список партии "Единая Россия"?, %

Данные ВЦИОМ, октябрь 2007 г.

нями не в советский период с генеральными секретарями, а в дореволюционную эпоху. Царь не может состоять в политической партии, ибо это несовместимо с его надысториическим сакральным статусом. Ни один из современных монархов не является членом партии. Суть монархии в том, что она стоит над всей политической системой и является символом единства всего народа.

У нас монархии нет, но механизмы и шестеренки политического механизма вращаются в рамках монархической традиции не зависимо от того, осознают это субъекты исторического процесса или нет. При отсутствии монархии как конституционно узаконенной формы государственного устройства в России, тем не менее, отовсюду дуют монархические ветры.

Слабая поддержка общественным мнением решения В. Путина возглавить список "Единой России" (напомним, только 22% твердо поддержали, при личном рейтинге президента в 80%) было только первым сигналом того, что электорат почувствовал расхождение между исторически сложившимся образом "главы народной общности" и конкретным политиком, которого общественное сознание примеряет к своему идеалу.

Вторым сигналом является странное воздействие решения президента на уровень электоральной поддержки его протее — партии "Единая Россия". Ее электоральный рейтинг между 2 октября (когда В. Путин заявил о своем решении) и 2 декабря сильно лихорадило, бросало то вверх, то вниз. Вслед за этим, думается, и политиков бросало то в жар, то в холод.

Сразу после принятия решения возглавить список "Единой России" всероссийский опрос ВЦИОМ зафиксировал, что рейтинг этой партии резко пошел вверх с 47 до 55% (в расчете от полного списка избирателей). Но это была всего лишь первая эмоциональная реакция электората на действия президента, которого привыкли поддерживать.

Затем стали происходить странные события. Рейтинг партии снизился и в течение месяца — со второй половины октября и до середины ноября держался на уровне 50%. А это означает, что он стал таким же, каким был за полгода до выборов — в июне 2007 г. — 48% (различия в рамках статистической ошибки). Снижение рейтинга не было случайным колебанием, потому что оно было длительным. Один месяц в условиях предвыборной борьбы — это очень много. Электоральное сознание давало понять политической элите, что не надо перебарщивать, не надо стимулировать любовь народа к партиям с использованием имени президента. Прежняя диспозиция между главой государства и партиями всех устраивала, поскольку была выражением меры. Сейчас же мера нарушена, идеал "главы народной общности", по воле самого носителя этого статуса, соприкоснулся с недостойной сферой. И общественное сознание выступило в данном случае как регент по отношению к инфанту: "Хорошо, это было вами сделано, но это ничего не изменило, и пусть это будет вам уроком".

Однако 20 ноября рейтинг "Единой России" снова поднялся вверх до 56% и продержался на этом уровне до самых выборов. Таким образом, решение президента возглавить список партии было оценено избирателями в 9% (с 47% в сентябре до 56% в конце ноября). Если делать расчеты от "активных избирателей" (от тех, кто собирался идти на выборы), то рейтинг "Единой России" с сентября 2007 г. до 27 ноября (последний замер перед выборами) увеличился с 57 до 66%, т.е. на те же 9%.

Внутренняя логика "прыжков" рейтинга "Единой России" очевидна. Первая реакция общественного мнения — эмоциональная поддержка президента. Затем — указание главе государства, что задета некая сакральная связь между

народом и "главой народной общности". И третья фаза — прощение лидера и сдержанная поддержка.

Реальные 64% голосов на выборах за партию "Единая Россия" были представлены как триумф на референдуме в поддержку В. Путина. Однако чего-то важного политической элите все же не хватало. Она чувствовала, что нужно как-то объяснить разрыв в 20% между личным рейтингом президента и победными результатами "Единой России". Это было сделано С. Мироновым, который совсем не случайно сказал, что, если объединить результаты "Единой России" и "Справедливой России", то как раз получится рейтинг президента.

Все это означает, что главным результатом выборов в Государственную думу является определение окончательного варианта с политическим будущим В. Путина. Оно ни в коей мере и никогда не может быть связано с деятельностью партий и с работой в российском парламенте, если, конечно, сохраняется задача утвердить его в статусе национального лидера.

То, к чему политическая элита пришла, темня и метаясь между вариантами и сценариями, изначально было абсолютно ясно глубинам сознания российских избирателей.

Полностью в традициях монархического сознания вся вина за неестественный союз президента и партии была возложена на партию, которая "использовала имя президента". Именно так характеризовали предвыборную ситуацию во время фокус-групп, проведенных ВЦИОМ в октябре 2007 г., респонденты, не согласные с решением президента. Вот примеры характерных высказываний: *"Они поставили Путина впереди списка и тем самым покупают голоса избирателей"* (Москва, мужчина, 24 года), *"Сейчас все пойдут голосовать не за "Единую Россию", а за то, что там Путин"* (Москва, женщина, 56 лет).

Многие респонденты, проявляя свою детскую доверчивость, просили президента, что не стоит ради какой-то партии использовать свое доброе имя, поскольку этот прием делает избирателей беззащитными и электорально зависимыми: *"Занимая такой пост, он не должен быть в партии. Иначе получается реклама, которая влияет на нас"* (Москва, женщина, 31 год), *"Если президент состоит в определенной партии, то может получиться, что определенный процент населения, еще толком не осознав свой выбор, последуют за президентом"* (Тюмень, мужчина, 20 лет).

Российский избиратель показал вершине исполнительной власти, что связываться с партиями не нужно. Пусть они ведут предвыборную кампанию сами, если они вообще на что-то способны.

О таких настроениях электората говорят данные октябрьского всероссийского опроса ВЦИОМ: 47% респондентов выразили мнение, что партия "Единая Россия" должна вести предвыборную кампанию "собственными силами и делами", и только 29% — "совместно с президентом" (табл. 1).

Таблица 1.

Как Вы считаете, партия "Единая Россия" должна вести предвыборную кампанию? ..., %

Варианты ответа	%
Совместно с президентом	29
Собственными силами и делами	47
Силами лидеров списка	6
Другое	1
Затрудняюсь ответить	17

Данные ВЦИОМ, октябрь 2007 г.

Народ принял игру, предложенную политической элитой под лозунгом "Выборы — референдум по доверию президенту В. Путину". И пошел в своем большинстве голосовать именно за президента, вполне понимая, что такая нелогичность нимало не противоречит российским порядкам, что надо и на президентских выборах и на не президентских выборах поддерживать главу государства, все остальное пустое.

Во время проведения широкомасштабных региональных исследований ВЦИОМ в ноябре 2007 г. респондентам был задан вопрос: "Как Вы думаете, выбирая партию "Единая Россия", избиратели будут голосовать за партию "Единая Россия" или поддерживать В.В. Путина?" От 50 до 60% во всех регионах ответили, что "голосуя за "Единую Россию", избиратели на самом деле будут голосовать в поддержку В. Путина. Вариант ответа — "будут голосовать за партию "Единая Россия" — набирает от 12 до 17%.

Не будем при этом забывать, что 37% российских избирателей не участвовали в декабрьских выборах. Это говорит о том, что не все в России хотят путать два вида выборов и решили оставить это спорное дело самим властям.

После выборов в Государственную думу российская политическая элита окончательно поняла, что сохранить образ общенационального лидера для В. Путина можно только в том случае, если неукоснительно и молча выполнить требования массового монархического сознания. Это означает — не связывать В. Путина напрямую ни с какими партиями, ни с Думой, ни с Советом Федерации и ни какими другими второстепенными постами в государстве. Он должен занимать должность, которая будет считаться в государстве высшей, и поведение его должно соответствовать статусу главы государства. Он по-прежнему должен стоять над всеми. Если В. Путин согласится на меньшее, то он вступит в невидимый конфликт с общественным сознанием, которое перестанет его поддерживать.

Поскольку Конституция не позволяет ему третий раз стать президентом, он должен занять должность, которая по значению должна быть выше президентской. Как этого добиться? С опорой на монархическое сознание населения достаточно легко. Кандидат в президенты Д. Медведев неспроста предложил В. Путину в будущем возглавить правительство и стать премьер-министром. Для того чтобы сделать должность премьера главной, вовсе не надо менять Конституцию. Достаточно в полном объеме продолжать выполнять обязанности президента на посту премьер-министра. Это не вызовет никакого конфликта в обществе, более того — это вызовет одобрение. Перераспределение властных полномочий в пользу премьера будет воспринято как нечто естественное и логичное. О Конституции никто не вспомнит, сама по себе она не тронута. И самое главное, что в 2012 г. ничто не помешает вернуться к прежней президентской схеме.

Итак, мы видим, что в российском государстве на наших глазах формируется какая-то особая верховная должность, которая существует сама по себе. Как бы ее ни называли, она все равно верховная. Особого закрепленного названия для нее пока нет. Есть рабочее название — общенациональный лидер или как говорили русские философы "глава народной общности".

Но самое интересно во всей этой истории то, что ни народ, ни политическую элиту никто не учил так себя вести. Все действуют под спудом многовековой истории Российской империи.

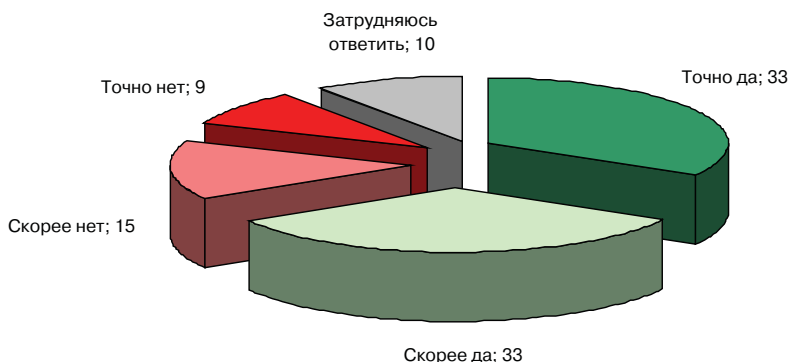
Sources of high popularity of Putin in public mind, and the role of traditions of "monarchical consciousness" in the society. The author discusses how Putin's decision to head the list of candidates of "United Russia" influenced the course of the campaign and the election outcome.

Е.А. Кулагина
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИЯН:
МОТИВАЦИЯ УЧАСТИЯ/НЕУЧАСТИЯ В ВЫБОРАХ

Прошедшие 2 декабря 2007 г. выборы депутатов Государственной думы свидетельствуют о достаточно высоком интересе россиян к этому событию: если в 2003 г. в выборах депутатов участвовали 56% жителей страны, то сейчас уже 64%. Является ли это свидетельством одобрения института выборов со стороны избирателей? Каковы причины участия или неучастия россиян в выборах? Чтобы ответить на данные вопросы, проанализируем результаты исследования, проведенного перед выборами¹.

Проанализируем ответы различных групп избирателей, исходя из их установок в отношении участия или неучастия в выборах. В качестве базовых критериев для определения электората используем ответы на вопросы "Если бы выборы в Государственную думу РФ состоялись в ближайшее воскресенье, приняли бы Вы в них участие?" и "Как Вы обычно участвуете в выборах депутатов законодательных органов разного уровня?" (рис. 1–2). Ответы на первый вопрос дают возможность определить установки избирателей относительно их участия в предстоящем голосовании, ответы на второй вопрос — выявить особенности участия в выборах законодательных органов власти в прошлом.

Рисунок 1.
Если бы выборы депутатов Государственной думы состоялись в ближайшее воскресенье, приняли бы Вы в них участие?, % от числа всех опрошенных

КУЛАГИНА Екатерина Анатольевна — руководитель отдела прикладных политических исследований управления политических исследований.

¹ Исследование проводилось ВЦИОМ в сентябре 2007 года на территории 46 регионов РФ. Общее количество опрошенных — 1600 человек. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.